АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

ДЕВЯТОЙ (ТАЛЛИНСКОЙ)
СЕССИИ СИМПОЗИУМА
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(ОКТЯБРЬ 1966 г.)

На правах рукописи

ТАЛЛИН 1966

М. Я. ЛОЙБЕРГ

Киевский институт
народного хозяйства

В. Э. ШЛЯПЕНТОХ

Новосибирский государственный
университет

ОБЩИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

1. При исследовании общих факторов непосредственного перехода большинства народов от первобытнообщинной к феодальной системе хозяйства, следует прежде всего учитывать, что при формировании феодальной экономики вначале была создана социальная структура, при которой известный период времени уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве (главной отрасли эпохи) не только не превышал, но и был ниже соответствующего уровня рабовладельческой экономики, которая однако оказалась в то время не оптимальной. Исходя из этого, общие факторы неоптимальности рабовладельческой (оптимальности феодальной) экономики для большинства народов Европы неверно будет искать в таких сферах как природно-географическая, этническая и даже аграрная. Феодализм (несмотря на специфику его в отдельных странах) являлся универсальной системой в Евразии с ее разнообразием типов природно-географической среды и этнической общности. Что же касается аграрной, производственной, сферы, то здесь в период формирования новой системы нельзя заметить решающих изменений. Технические достижения античности стали экономически эффективными только на более поздних этапах развития феодальной системы; в эпоху складывания феодализма они применялись спорадически (кроме того, прогресс в сельскохозяйственном производстве вовсе не был прямо пропорционален феодализации; например, полабо-прибалтийские славяне по темпам феодализации отставали от своих соседей, не уступая и даже превосходя их по уровню агрикультуры). Факторы географической, этнической и аграрной сфер могли играть лишь роль ограничителей частного характера в процессе феодализации данного общества.

2. В создании феодальной общественной структуры значительную роль сыграли факторы непроизводственного ха-

рактера, в частности, военный, идеологический и др. Так, у всех (по крайней мере оседлых) народов сложению феодальной системы хронологически предшествовали два явления — создание немассовой армии (как правило, тяжеловооруженной кавалерии) и принятие монотеизма (хотя бы высшим слоем общества). В ряде случаев (франки, англосаксы и др.) были проведены специальные военно-аграрные преобразования, продвинувшие вперед образование феодального землевладения (Ф. Энгельс, «Франкский период»). В других случаях источники не оставили следов таких разовых мероприятий, однако и там существовала теснейшая связь между военными и социально-экономическими изменениями (пожалования, оседание дружины на землю).

3. Исключительно активная роль военного фактора в докапиталистическую эпоху объясняется главным образом тем, что военная организация являлась механизмом внеэкономического принуждения, т. е. обеспечивала функционирование докапиталистической экономики (при рабовладении — поставку на рынок новых масс рабов, т. е. воспроизводственный процесс; при феодализме — прибавочный труд крестьян). Поэтому в докапиталистическую эпоху военное производство развивалось опережающими темпами, превосходя средний технический уровень производства. (Это подробно отмечал К. Маркс). Однако в конечном счете роль военной сферы определялась такими экономическими факторами как низкие темпы развития производительных сил при длительном сохранении традиционных методов производства и очень мало изменяющемся ассортименте материальных благ (это повышало роль обогащения знати за счет внешних источников).

4. Следовательно, исследование материальных условий перехода от первобытнообщинного строя к тому или иному типу докапиталистической экономики должно обязательно включать материальнотехническую базу военной организации, ибо от уровня ее развития непосредственно зависит тип военного аппарата. Можно предполагать, что прогресс военного производства в античности сделал возможным (с технической стороны) феодальный тип военной организации, т. е. аппарата насилия. Если производство однообразного пехотного вооружения могло послужить основой только для массовой армии — античной ополченческой фаланги, то достигнутое античностью производство тяжелого кавалерийского вооружения (прежде всего, металлического покрытия

корпуса бойца) позволяло создать немассовую конную армию, возникновение которой, как мы знаем, повсюду предшествовало интенсивной феодализации. Не случайно эта техническая база была единственной, сразу перенятой новым обществом у античности. Следовательно, техническую базу тяжеловооруженной кавалерии можно считать наиболее общим материальным фактором оптимальности феодальной системы. Становятся понятными различные пути социально-экономического развития народов, имевших по сути идентичную структуру (с одной стороны, греки и римляне эпохи образования государств, с другой стороны — тацитовы германцы; это отмечал Ф. Энгельс); универсальность феодализма в самых различных по природным условиям и типам общины странах и т. д.

В пользу этого вывода говорит и острая дефицитность кавалерийского вооружения в раннесредневековой Европе; его производство удовлетворяло лишь ничтожное меньшинство и должно было оплачиваться трудом абсолютного большинства общества (а для формирования рабовладельческой системы требуется участие в вооруженных силах всех свободных людей). Эффективность источников создания материально-технической базы рыцарской кавалерии (трофеи, импорт, имитация и собственные конструкции, интенсивность собственной металообработки и т. д.) и определяла в весьма значительной степени темпы развития феодальной системы в той или иной стране. В качестве других ограничителей можно назвать демографический (количество населения), территориальный, внешнеполитический (активность или, наоборот, длительная оборона) и т. д.

5. Применение указанных общих факторов помогает, как нам кажется, уяснить не только общий механизм непосредственного перехода народов Восточной Европы от первобытнообщинной к феодальной системе хозяйства, но и особенности генезиса феодализма в ряде стран (например, у полабо — прибалтийских славян, не создавших армию на новых основах, так и не сложилась феодальная система, невзирая на относительно высокий уровень агрикультуры). Приобретает материальное содержание такая категория как связи восточноевропейских народов с античной системой, становится понятным роль географического положения отдельных народов по отношению к Римской империи, а впоследствии к Византии и Франкскому государству как поставщикам качественного, достаточно стандартизированного стального

вооружения (вне этого тезис об античных ускоряющих влияниях на процесс феодализации неконкретен).

Это, естественно, требует специальных исследований, в первую очередь уровня развития металлургии и металлообработки в той или иной стране в сочетании с другими указанными выше факторами.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

Великолукский пединститут

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ДЕРЖАНИЯ В ДАЛМАТИНСКОЙ ХОРВАТИИ В XI—XVI ВВ.

1. Материал по истории далматинской деревни интересен для исследователя уже потому, что он восходит к XI в. Таким образом, открывается возможность исследовать развитие поземельных отношений в этом краю уже со времени раннего средневековья и вплоть до XVI в., когда повсюду в Европе совершается ломка прежних аграрных укладов. Правда, материал XI в. не столь уж обширен, но зато он послужил объектом особенно пристального изучения (Ф. Рачки, В. Новак, Е. А. Ефремов, Ю. В. Бромлей). Сравнение данных XI и XIII—XIV вв. должно выявить специфику развития деревни в этом районе, где ведущим экономическим влиянием было влияние города с его развитым товарно-денежным хозяйством.

2. Трудности такого сравнительного анализа очевидны. Основной из них является разнохарактерность, почти несопоставимость источников. Действительно, самые ранние из них — это монастырские картулярии, где собраны грамоты, фиксирующие приобретение собственности (недвижимости и рабов), но не предусматривающие использование этой собственности в системе держательских отношений. Таким образом, самая эта система в памятниках XI в. оказывается скрытой от нас, ее единственными носителями являются «servi», известная часть которых относится не к крестьянам, а к рабам. А между тем источники XIII—XIV вв. (в основной массе это — нотариальные акты) в качестве основной фигуры в деревне называют арендатора-колона, того самого

колона, который никак не представлен в памятниках раннего далматинского средневековья. Налицо, таким образом, разрыв, преодолеть или истолковать который предстоит исследователю.

3. Источники не только разнохарактерны, но и локально разнородны, и это обстоятельство при всей узости далматинской территории, играет немаловажную роль. Дело в том, что Далмация и в частности Далматинская Хорватия является областью большой протяженности, разных исторических судеб и — главное — разной степени воздействия со стороны города. И, тем не менее, как ни различны наши источники, они характеризуют преимущественно два типа далматинских местностей: 1) город с его ближайшими окрестностями (Задар, Сплит) и 2) сравнительно далекую от города сельскую периферию (Полица, районы Биограда Приморского, Нина, Новиграда и Враны). Поэтому сопоставление данных, почерпнутых из этих памятников, является на наш взгляд, вполне оправданным.

4. Состояние поземельных отношений в XI—XII вв. представляется в следующем виде. — В деревне сохраняются массы свободного крестьянства, об этом свидетельствуют многочисленные факты продажи своей земли аллодистами крестьянского типа и существование сплоченной, способной к отпору сельской общины (восстание полицких крестьян против сплитского архиепископа в 1180 г.; борьба крестьян с. Острог со сплитской коммуной в середине XIII в.). Что же касается зависимого крестьянства, то часть вотчинных земель обрабатывается сервами, в домениальном хозяйстве встречаются и холопы-челядинцы — существование этих двух типов признано в литературе. Однако параллельно с этими двумя категориями можно встретить и другие социальные фигуры, о которых следует сказать несколько подробнее.

Так, в конце XI в. аббатство св. Кршевана оставляет за неким Маем присвоенную им монастырскую землю с условием, что его наследники будут вносить монахам четвертую часть урожая, по свидетельству жития с. Иоанна Трогирского местный обычай требует чтобы урожай делился пополам между землевладельцем и крестьянином. В XII в. свидетельства о держании из доли урожая (agraticum, terraticum) становятся еще более многочисленными и выразительными. Юрий Андрич, отказываясь в